

о недействительности свидетельства о праве на наследство, выданного нотариальными органами¹.

В случае несоответствия содержания мирового соглашения, а также условий его заключения требованиям действующего законодательства, и, как следствие, неутверждения его судом, последний выносит об этом определение и продолжает рассмотрение дела по существу. Однако в случае, если суд без согласия сторон исключает из мирового соглашения его существенные условия или утверждает соглашение, противоречащее закону либо затрагивающее интересы не привлеченных к участию в деле лиц, то соответствующее определение суда подлежит отмене судом вышестоящей инстанции как противоречащее принципам законности и диспозитивности гражданского судопроизводства.

*Буянова Е. В.,
аспирантка МГЮА*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА УСЫНОВЛЕНИЯ ПО УСТАВУ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.

У любой науки, в том числе и науки гражданского процессуального права, существуют особые связи с историей права. Без осмысления конкретно-исторических данных, в отрыве от них, наука становится умозрительной, схоластической, недальновидной. История помогает осмыслить и проанализировать то, как возникают государство и право, какие основные этапы проходят в своем развитии, чем они стали в настоящее время, каковы их дальнейшие перспективы, в какой степени возможна преемственность. Новые фундаментальные исторические данные, новый исторический опыт влекут и не могут не повлечь за собой определенные уточнения, а в некоторых случаях и изменения отдельных положений законодательства². Именно поэтому на пути решения ряда задач по исследованию и дальнейшему усовершенствованию процедуры усыновления в Российской Федерации будет полезно обратиться к анализу процессуального законодательства периода Российской империи — самостоятельно и значительного этапа в развитии богатейшей отечественной истории права.

¹ Саломатова Т. В. Наследование по завещанию и закону. Защита наследственных прав в суде. М.: Ось-89, 2002. С. 132–134.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 1999. С. 12–13.

Законодательство, посвященное усыновлению, стало развиваться в основном в начале XIX в. В период реформ Петра I, так же, как и в эпоху царствования Екатерины II, специального внимания усыновлению не уделялось¹. Наиболее активная разработка норм об усыновлении нашла отражение в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. (ст. 1460⁸ и 1460¹²) (далее — УГС 1864 г.) и в Своде законов гражданских (ст. 145–151)². Немаловажным является и то, что УГС 1864 г. различал узаконение и усыновление детей.

Причем узаконение отличалось от усыновления тем, что узаконить можно было только своих детей, а усыновить можно и своих, и чужих³.

Дела об усыновлении, согласно УГС 1864 г., рассматривались в порядке «охранительного» производства. Такое положение сохранялось вплоть до 1923 г. Свод законов гражданских по-прежнему всячески охранял принцип сословности. Это правило отражалось в конкретных правовых предписаниях. Так, усыновление дворянами осуществлял окружной суд. Мещане и сельские обыватели усыновляли ребенка благодаря приписке его к своей семье. Однако такие правила были установлены не сразу. Первоначально, несмотря на неукоснительное действие принципа сословности в Российской империи, в соответствии со Сводом законов гражданских 1887 г. окружному суду были подсудны не только дела об усыновлении лицами, принадлежащими к привилегированным сословиям, а вообще лицами, которые не были обязаны приписываться к городскому или сельскому обществам, например, иностранцы, нижние служители гражданского ведомства, отвечающие условиям о службе гражданской, нижние воинские чины, уволенные к 25 июня 1867 г. в отставку, и прочие⁴. Так, Петербургский окружной суд удовлетворил ходатайство счетчика государственного банка Н-ева (1893 г. № 40), почтальона петербургского почтамта В-ева (1892 г. № 1091), отставного рядового Ш-ича (1891 г. № 516) об усыновлении ими их воспитанников. Кроме того, окружным судам были подсудны дела об усыновлении крестьянами и мещанами лиц, принадлежащих к привилегированным сословиям, так как по смыслу ст. 158 Свода законов гражданских, крестьянам и мещанам дозволялось усыновлять через приписку к своим семействам только лиц непривилегированного состояния. В производстве Петербургского окружного суда имелось только одно такое дело⁵. Соответственно не подсудны были окружному суду дела об усыновлении

¹ Прудникова Л. Б. Усыновление (удочерение) детей гражданами РФ, иностранными лицами, лицами без гражданства: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2004. С. 19.

² Прудникова Л. Б. Указ. соч. С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ Шматков К. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1894. С. 161.

⁵ Шматков К. Указ. соч. С. 161.

крестьянами и мещанами лиц непривилегированных сословий и состоящими на действительной службе воинскими чинами. Такой процессуальный порядок усыновления, по мнению юристов того времени, сильно ограничивал принцип «всесословности»¹. В представлении Министерства юстиции по этому поводу говорилось следующее: «...порядок совершения акта усыновления в окружном суде, вполне целесообразный в отношении к лицам прочих сословий, едва ли мог быть с пользою применен при усыновлении крестьянами и мещанами, относительно которых представлялось бы желательным сохранить вполне соответствующий их быту и по простоте своей доступный их пониманию обряд усыновления путем приписки к семейству усыновителей»². И с этого момента усыновление мещанами и сельскими обывателями совершалось припиской усыновленного к семейству усыновителя, во всех остальных случаях усыновление совершалось в судебном порядке.

На самом деле для дворян процедура усыновления была еще сложнее, так как обращению в суд с разрешением об усыновлении у них предшествовало составление акта об усыновлении у нотариуса, а после судебной процедуры следовало утверждение этого акта судебной палатой. Процессуальный порядок усыновления также имел свои особенности. Просьба об усыновлении подавалась в окружной суд по месту постоянного жительства или усыновителей, или усыновляемого ребенка, а где не было окружных судов, усыновление производилось судебными местами³. Рассматривались дела об усыновлении судьей окружного суда единолично. В просьбе об усыновлении было достаточно указать на то, что усыновляемый ребенок действительно не состоит уже в усыновлении у другого лица, представление доказательств в подтверждение этого факта законом не требовалось. В отличие от просьбы об узаконении, которая не могла подаваться через поверенных, а должна была быть приносима лично самими просителями, просьбу об усыновлении согласно УГС 1864 г. имел возможность подавать и поверенный, но в этом случае последний должен был представить окружному суду специальную доверенность «на хождение по этому делу»⁴. С просьбой об усыновлении ребенка могли обратиться только лица, «желающие стать по отношению к усыновляемому в положение родителей»⁵.

¹ Там же. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Батурина Н. И. Усыновление (удочерение) детей по российскому семейному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 19.

⁴ Устав гражданского судопроизводства 1864 г. // СПС «Гарант».

⁵ Зен С. Конспект русского гражданского судопроизводства. М.: Издательство «Современность» // Справочно-поисковая система «Гарант». Классика российского правового наследия. С. 393.

Российский закон никогда не говорил о необходимости предварительного договора между участниками усыновления, но несомненно, что окружному суду, ведущему дело об усыновлении, должны были быть представлены данные, удостоверяющие наличие согласия всех участников усыновления¹, тем более, что личная явка их в суд была необязательна, учитывая возможность участия в судебном заседании поверенного. Согласно § 2 ст. 1460⁹ УГС 1864 г., согласие на усыновление могло быть выражено как подпиской, данной в судебном заседании, так и в прошении на имя суда или в другом документе, исходящем от лиц, изъявивших согласие. Кроме того, ввиду требуемого ст. 149 Свода законов гражданских согласия на усыновление со стороны родителей усыновляемого, необходимо было удостоверить происхождение последнего от данных родителей. Этот факт удостоверялся первоначально консисторскими или протопресвитерскими свидетельствами о рождении усыновляемого. Однако принимались судом в качестве подтверждения вышеозначенного факта и церковные свидетельства о рождении. Если родители на момент обращения в суд с просьбой об усыновлении умерли, необходимо было представить церковные свидетельства об их смерти. Заявления родителей, опекунов или попечителей усыновляемого, самого усыновляемого, если он достиг возраста 14 лет, о согласии на усыновление, а также подписка супруга должны были официально свидетельствоваться.

Воля усыновителя выражалась окончательно в просьбе об усыновлении и не нуждалась в подтверждении перед судом. Поэтому, когда усыновитель умирал после подачи просьбы об усыновлении, она подлежала удовлетворению, но не подлежало удовлетворению ходатайство об усыновлении лица умершего, желавшего, но не успевшего просить об усыновлении.

Кроме того, суду также должны были быть представлены сведения и удостоверения, что соблюдены и прочие условия, требования закона относительно возраста, семейного, сословного состояния усыновителя и усыновляемого, а равно религии и согласия указанных выше лиц (Свод законов гражданских, ст. 145–151)². При рассмотрении ходатайства об усыновлении окружным судом опекуновское учреждение должно было представить «удостоверение», подтверждающее, что усыновление не обратится во вред усыновляемому.

Суд, приняв во внимание все эти данные и выслушав заключение прокурора, выносил определение об удовлетворении ходатайства или об отказе в этом³. Усыновление считалось состоявшимся со дня вступления опреде-

¹Летова Н. В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 3.

²Летова Н. В. Указ. соч. С. 3.

³Там же. С. 3.

ления суда в законную силу. Данное определение можно было обжаловать в Судебную палату в порядке частного производства. Согласно УГС 1864 г., с жалобой на определение окружного суда по делам об усыновлении был вправе обратиться и прокурор.

В судебной практике того времени остро стоял вопрос о том, а вправе ли окружные суды передавать усыновленным фамилии их усыновителей? На этот счет ученые того времени высказывались неоднозначно. Одни указывали на то, что предоставление усыновленным фамилий их усыновителей вовсе не относится к ведению окружного суда. Другие полагали, что суды не вправе передавать усыновленному фамилию его усыновителя только в случаях усыновления законных детей, то есть когда через такую передачу изменялась бы природная фамилия усыновленного, а не приобреталась бы им впервые. Третьи же настаивали на том, что окружной суд может передавать усыновленному вне зависимости от законности его рождения фамилию усыновителя, если только усыновитель не является потомственным дворянином. И это мнение представлялось на тот момент наиболее правильным. Так, в практике Петербургского окружного суда и Судебной палаты был следующий случай. Определением окружного суда от 14 июля 1892 г. штабс-капитаном Г-ским был усыновлен подкидыш Вячеслав (дело 1892 г. № 1092). В дополнительном прошении Г-ский ходатайствовал о передаче своей фамилии и отчества по своему имени усыновленному. Окружной суд, приняв во внимание то, что, во-первых, по точному смыслу ст. 1460^{8,9} УГС 1864 г., к ведению окружных судов подлежат лишь просьбы о самом усыновлении, но не о передаче усыновленному фамилии, во-вторых, дела о перемене фамилий дворян и почетных граждан относятся к компетенции Департамента герольдии правительствующего Сената и, в-третьих, не существует закона, в силу которого усыновленный приобретал бы отчество по имени своего усыновителя, признал ходатайство Г-ского не подлежащим удовлетворению, о чем вынес 1 сентября 1892 г. соответствующее определение. Это определение было обжаловано Г-ским в судебную палату. Петербургская судебная палата, рассмотрев жалобу и приняв во внимание, что, во-первых, формальные требования процессуального закона о включении в прошение об усыновлении сведений и удостоверений без ссылки на норму, трактующую положения о передаче фамилии, не оправдывают мнение окружного суда о том, что судебному рассмотрению по Закону 12 марта 1891 г. подлежат лишь просьбы о самом усыновлении, но не о передаче фамилии, так как закон процессуальный не может ограничивать или уничтожать материального права, во-вторых, указание окружного суда на то, что дела о перемене фамилии дворян относятся к компетенции департамента герольдии, а не суда, не имеет отношение к настоящему делу, так как Г-ский просит не о перемене

фамилии усыновленного, а о передаче ему своей, в-третьих, как видно из послужного списка жалобщика Ивана Г-ского, он происходит от губернского секретаря и состоит в чине штабс-капитана, т.е. по происхождению своему и по состоянию принадлежит не к потомственным, а к личным дворянам, а потому усыновленный ему безродный подкидыш Вячеслав должен получить фамилию усыновителя в силу самого факта усыновления его по определению суда от 14 июля 1892 г. без последующего разрешения Высочайшего соизволения и, в-четвертых, хотя и не существует закона, в силу которого усыновленный приобретал бы отчество по имени усыновителя, но такое присвоение отчества, о котором ходатайствует жалобщик, действующим законом и не запрещается. Судебная палата, выслушав заключение прокурора, полагавшего удовлетворить ходатайство Г-ского, определила в дополнение к определению Петербургского окружного суда от 14 июля 1892 г. присвоить усыновленному штабс-капитаном Иваном Петровичем Г-ским подкидышу Вячеславу отчество по имени усыновителя и передать его фамилию, о чем поручить окружному суду сделать надпись на метрическом свидетельстве, обжалованное же определение окружного суда от 1 сентября 1892 г. отменить¹. Оценивая данный пример, следует отметить, что в настоящее время подобной проблемы не существует, и в ч. 1 ст. 274 ГПК РФ закрепляется возможность удовлетворения судом просьбы усыновителей (усыновителя) о записи их в качестве родителей (родителя) ребенка в записи акта о его рождении, а также об изменении даты и места рождения ребенка. Но, вполне возможно, что именно эта проблема в судебной практике Российской империи послужила побудительным мотивом к тому, чтобы в современном процессуальном законодательстве России по вопросу усыновления этот вопрос нашел свое верное решение.

Небезынтересным представляется и то, что УГС 1864 г. ничего не говорит о тайне усыновления и рассмотрении данной категории дел в закрытом судебном заседании, не закрепляет он и процессуальных сроков для рассмотрения дела об усыновлении.

В целом следует указать на то, что порядок усыновления детей по УГС 1864 г. был практически тем же, что и при узаконении детей. Однако имелось одно существенное отличие. Заключалось оно в том, что в дело об усыновлении дозволялось вступать во время производства по нему в суде лицам, права которых нарушались усыновлением. Эти лица могли представить свои возражения во время производства по делу об усыновлении, или же начать впоследствии, в течение двух лет со времени вступления в законную силу определения суда об усыновлении, спор в общеисковом порядке. Однако при

¹ Шматков К. Указ. соч. С. 164–166.

этом в УГС 1864 г. делалась одна очень жесткая оговорка — этот спор мог быть заявлен только при жизни усыновителя (1460¹² УГС 1864 г.)¹. В ныне действующем ГПК РФ подобная норма отсутствует, однако в ч. 3 ст. 263 говорится о том, что в случае, если при подаче заявления или рассмотрении дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве, подведомственного суду, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, в котором разъясняет заявителю и другим заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства. Следует признать, что положения УГС 1864 г. на этот счет являются в процессуальном смысле более продуманными и направленными на защиту интересов не только ребенка, но иных лиц, участвующих в деле. ГПК РФ, наоборот, ограничиваясь лишь этой нормой, не дает ответов на многие практические вопросы.

Нельзя не обратить внимание на содержащуюся в УГС 1864 г. аргументацию именно судебного рассмотрения данной категории дел — «подчинение дел об усыновлении судебному порядку является вообще достаточным речательством правильного их решения» (§ 1 ст. 1460¹²). На первый взгляд, складывается мнение о том, что в Российской империи авторитет и компетентность судей не подвергались никакому сомнению, и именно судебный порядок рассматривался как исключительный и наиболее надежный способ легитимного усыновления. Однако, в то же время, согласно УГС 1864 г., «вынесенное окружным судом определение об усыновлении подлежало утверждению судебной палатой»². Данное обстоятельство дает нам необходимые основания для того, чтобы согласиться с мнением тех ученых, которые, исследуя гражданское процессуальное законодательство Российской империи, пришли к выводу о том, что «законодательство этого периода предписывало суду проводить только формальную проверку соблюдения условий усыновления, не касаясь, подобно римскому и романскому законодательству, проверки материально-нравственной годности усыновителя и полезности усыновления для усыновляемого»³. Но, несмотря на это, именно Устав гражданского судопроизводства 1864 г., как важная веха судебной реформы в Российской империи и виднейший правовой памятник России, явился мощным законодательным пластом подробного урегулирования процессуального порядка усыновления, максимально приближенного к положениям действующего Гражданского процессуального кодекса РФ.

¹ *Зен С.* Указ. соч. С. 393.

² *Нечаева А.* Усыновление детей иностранцами в Российской империи // Российская юстиция. № 10. октябрь 2002. Справочно-поисковая система «Гарант».

³ *Летова Н. В.* Указ. соч. С. 9.